

Национальная художественная традиция в аспекте современного литературоведения

Отечественная филология второй половины XX века (М. Ю. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров, М. Л. Гаспаров и др.) освобождает науку от конформизма. Литература представляется ею как «школа понимания», которая через тексты открывает сущность человека (С. Аверинцев). Ее развитие проходило в широком контексте мировой философской и эстетической мысли, на фоне которого сформировалось новое отношение к гуманитарности. Философско-антропологические идеи, связавшие науку с духовной жизнью человека, сделали заметнее «исчерпанность методов и методологии отечественного литературоведения», державшегося за материалистические основания в анализе художественной культуры. На повестку дня выходили те направления, которые возникали из желания человека понять «духовную жизнь классической и древнехристианской эпох». Для их понимания существенны были «художественная ценность, смысловой мир, сознание интерпретирующего». Эти важные составляющие входят в современную научную парадигму, в которой методологической основой гуманитарного знания, в том числе литературоведения, заметное место занимает герменевтика [1].

В понятие «культивирование человечности», как его понимает Хайдеггер, каждая историческая эпоха вносила свое содержание. Для Маркса естественным человеком был «общественный человек», для христианина это человек в его «отношении к божеству». В метафизике человека мыслят из «живого», и не домысливают до «человечного». Сама же метафизика рассматривает принадлежность человека «своему существу лишь постольку, поскольку [он] слышит требование Бытия». Вечные вопросы жизни, всегда занимавшие литературу, давали возможность искать гуманность «человечного человека» «на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироосновы, то есть сущего в

целом» [2]. Таким образом, понятие человечности в комплексе ценностей и идеалов стало вписываться в пространство не только философского, но и филологического видения мира.

Одной из таких попыток представить литературу в широком контексте «истории религиозно-миросозерцательных массовых идей» стала работа Р. Ф. Юсуфова «Историософия и литературный процесс: Средние века и Новое время» [37]. Автор ставит вопрос о необходимости глубокого осмысления литературы с точки зрения возвращения к «философии становления и развития человеческой личности». Взгляд на развитие литературы как на духовное самопознание народов был вызван необходимостью увидеть внутренние корни человеческого познания, которое соединяет, «самодостраивает» исторически сложившиеся схемы, «мыслительный материал» прошлого, «возвращается» к основополагающим представлениям», сохраняя при этом цельность «человеческой личности, раскрываемой в идеях и образах литературы» [3, с. 13–14].

Другой путь, не столь кардинально меняющий литературную историю, предлагает придерживаться эволюционной преемственности, принципы которой становятся важны особенно в переходные эпохи. Не отбрасывать имеющийся опыт, предлагает Н. С. Надъярных, а рассмотреть его с точки зрения «аксиологической выверенности». Такой подход подразумевает тактику «перечтения», «инвентаризации» национальных литератур, которые в начале XX века, а теперь уже в начале XXI века, переживают смену культурных парадигм. Этот путь плодотворен в сохранении исторически целостного взгляда на литературу, поскольку открывает проблему «связи национального «текста» с контекстом содержательного и формального объема культуры [4, с. 10]. Расширение исследовательского поля происходит через ориентацию на традиционное мировоззрение, являющееся стержнем духовной культуры этноса, выводит филологию из-под влияния «регулирующей роли истории в судьбе литературы» [4, с. 13].

Ценностные аспекты исследования национальных литератур уверенно входят в науку, формируют в ней новые направления, и, по замечанию Г. Гамзатова, преследуют цель преодоления «европоцентристских» концепций, «воинствующий радикализм и негативизм» по отношению к национальному культурному наследию. Главной задачей литературоведения становится задача восстановления целостности духовного прошлого народов России [5, с. 47]. «Национальное самосознание» литературы становится фундаментом культурного возрождения, а заложенный в его природе «принцип соучастия» (К. Султанов) позволяет ей быть открытой для широких контактов с другими культурами.

Рассматривая с этой точки зрения национальную литературу, К. Султанов отмечает уровни, на которых возможны проявления ее специфики. «Если мир произведения – мир становящийся, то в движении от «текста» и «художественной ценности» начинается развертывание смысла литературы. В этом, убежден он, заключается проблема национального своеобразия. То есть это не столько проблема художественного своеобразия, сколько «актуализация этнической специфики, локализация этнически преломленного самобытного мира» [6, с. 93]. Но, предупреждает он, опасность «этнического ренессанса» может проявиться другой крайностью – «общекультурной невменяемостью». Речь идет об опасности ограничения этнической характерности «маркировкой текста», оправдывающей художественную несостоятельность. Она приводит к «понижению уровня понимания художественной целостности, выветриванию художественного смысла» [6, с. 95].

В этой связи возникает ряд проблем, связанных с дальнейшим осмыслением судеб национальных литератур в новом тысячелетии. Недостаточная изученность проявления этнического в структуре художественного произведения, а также взаимосвязей фольклорной образности с новыми принципами художественного мышления, неисследованный пласт «философии национального бытия» требуют от современного литературоведения более взвешенного и продуманного отношения к исследованию национальной литературы как части общественного сознания, как части мировой культуры.

Другой стороной этого процесса является функционирование литературы в современном глобализирующемся мире. Пока не сложится полная картина развития художественного слова, а именно: новый уровень раскрытия устно-поэтической традиции, историко-культурного и историко-литературного опыта; пока не определится аксиологическое содержание слова, придающее литературе статус проводника народного сознания, трудно говорить о полнокровной ее жизни.

Мы исходим из того, что в культуре калмыков качество языка и речи принадлежали к ценностным понятиям и носили сакральный характер. Это выражалось не в умелом оформлении речи, а в единстве формы и содержания. Именно в этом качестве речь человека становилась его характеристикой. К примеру, в пословице (текст приводится с сохранением авторского написания), которую приводит в своей работе П. А. Дарваев, смысловый параллелизм выстроен не просто на тематическом уровне по содержанию:

Уулын бүргд шовун
Уулан темцж нисдг.
Угта залуһин үрн
Үлгүр авч келдг.

Гордый беркут
Стремится к своим горам,
Потомок славного рода
Начинает свою речь с пословицы.

(Перевод П. Дарваева) [7, с. 104]

Здесь форма сама по себе содержательна, ибо она несет аналогию, сходство, общность черт. Уже готовая форма является сосудом, который можно заполнять любым содержанием. Оно создается новыми сцеплениями слов. В данном случае таковыми являются эпитеты: *гордая птица* и *славного рода потомок*. Внешнее сходство птицы с потомком заключено в их характере: птица устремляется ввысь, потомок – к мудрости. Но есть у них еще внутреннее, природное сходство – это направленность движения ввысь, к небу. Поэтому «угта залуһин үрн» (потомок славного (известного) рода) содержит указание на воспроизводящееся в человеческом роду качество. Через слово проявляется мудрость, которая есть не что иное, как умение говорить коротко о многом. Использование в речи таких слов было не тщеславным желанием выглядеть лучше, умнее. Афоризмы рождалась в процессе речи как четко оформленная образная мысль, и потому такие люди пользовались огромным уважением. Они являли природу мудрого человека, который мог управлять своей «мыслью», обладал широким «сознанием», ясным «умом», острым «словом». Все эти слова в народно-поэтической традиции являются ключевыми.

О том, что «красноречие» не было использованием готовых примеров, можно судить по качествам речи, о которых говорит П. Дарваев: «точность», «логическая» завершенность и «выразительность» [7, с. 104]. В этом контексте роль пословицы в калмыцкой речи шире, чем украшение. Она становится поэтической метафорой, которая придает мысли образную емкость. Все эти качества: точность слова, требующая от человека внутренней работы: «ухан тунад, үг товчлгдж» (когда мысль ясна, и слово краткое), законченность мысли: «үгин ахрнь сэн, ахр үгин товчтань сэн» (хороша речь короткая, а короткая – точная). «Калмыцкое “товчта”, т. е. «со смыслом, имеющим законченную мысль» [7, с. 104]. Эти качества дают представление о человеке.

С этой точки зрения рассмотренное П. Дарваевым стихотворение С. Каляева «Калмыцкий язык» является иллюстрацией выразительных возможностей языка. Если в пословице отточенность, ясность мысли до-

стигается единством: слово – и – форма, в художественном тексте это единство выражается отношением: герой – и – предмет, общим их качеством является единство объекта / субъектных отношений, природа которых заключена в их целостности и недualityности.

Следовательно, уже на уровне языка сложилась собственная система взаимоотношений между субъектом и объектами внешнего и внутреннего мира. В этом контексте формируется особенный мир народной этики и эстетики, которая лежит в основании ее традиции.

Новые движения в научной мысли вызвали «перестроечные» годы. Они вовлекли литературоведение в общероссийский контекст открытием «литературного зарубежья», явления, доселе не известного калмыцкой литературе. Оно внесло с собой иные акценты в сложившиеся отношения [8; 9; 10]. Обостренное чувство национального самосознания, исторического прошлого и творческая, художественная свобода в пределах национальной формы выражения, развернутые в поле духовного поиска, отличают произведения С. Балыкова, Г. Мушаева, Э. Хара-Давана. Введение новых имен не могло не обнажить «социальный эгоизм» строя, претендовавшего на роль «зачинателя новой всемирной культуры». Живая литературная практика показала, что литература развивается не в привязанности к идеям и внешним объектам. Она жила и живет сознанием своего создателя, его укорененностью в национальную культурную и духовную традицию. Такое направление исследования, дополнительно актуализированное процессами возрождения традиционной религии калмыков, стало разрабатываться в калмыцком литературоведении в конце XX века [11; 12; 13].

По ряду причин, вступая в новую пролетарскую эру, молодым литераторам нередко приходилось ломать себя, чтобы не входить в противоречие с новой эстетикой. В их творчестве были все еще живы корни «философии народного быта» [14, с. 16], которые дают основания для перечтения их произведений и пересмотра упрощенных моделей национальных литератур. Поэтому целью современного литературоведения становится «переосмысление» художественного опыта калмыцкой литературы. На протяжении всего XX века она развивалась, реагируя на историческую судьбу народа, и каждый раз, обращаясь к своему художественному наследию, она черпала из него новые, сообразно эпохе, смыслы.

Метаморфозы литературы XX века раскрывают динамику художественного развития. Мы можем говорить о сохранении элементов древнего мифопоэтического сознания в творчестве первого поколения поэтов. Благодаря этому опыту, усвоенному через народные сказки, по-

словицы, обрядовую поэзию, эпос, мы можем судить об идеалах, духовном строе, умственном движении традиции. Во второй половине XX века национальная литература приобретает иное лицо. Природная открытость сознания к новому выводит ее на новый уровень. Она находит себя в духовном, эстетическом и философском содержании традиции, которые составляют ее национальную специфику, не зависимую от конъюнктуры времени. Она становится способной выразить свой взгляд на мир. Ее семиотическое поле приближается к сложившимся традиционным значениям слова, тем самым вписывая в общесоюзный литературный процесс понятие национально-особенного видения мира.

Эта специфика национальной культуры, в основе которой лежит «работа духа» ее создателя, сегодня притягивает взгляды исследователей литературы. Плодотворность этого пути исследования заключается в том, что он пронизывает духовные, нравственные аспекты деятельности творческой личности и влияет на картину мира. Онтологический фундамент национальной культуры, открытый калмыцкой литературой в середине XX века, придал ей психологическую глубину образов. Она явилась плодом взаимодействия двух художественных традиций, разных по характеру познания мира. Плодотворный союз интравертной культуры калмыков и экстравертной, реалистической традиции русской культуры дал начало философскому направлению литературы. А изменение внутренней содержательности языка становится основой накопления нового эстетического и художественного опыта современной литературы Калмыкии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Л. В. К проблеме интерпретации литературного текста // URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/45669> (17.02.2011).
2. Хайдеггер Мартин. Письмо о гуманизме // URL: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/humanism.htm> (16.01.2011).
3. Юсуфов Р. Ф. Историософия и литературный процесс: средние века и новое время. М.: Наследие, 1996. 300 с.
4. Надъярных Н. С. Аксиология перечтений. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 336 с.
5. Гамзатов Г. Г. Дагестанский феномен возрождения. XVIII–XIX вв. Махачкала, 2000. 324 с.
6. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: Наследие, 2002. 196 с.
7. Дарваев П. А. Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 214 с.
8. Джембинова Р. А. Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 240 с.

9. Джамбинова Р. А. В потоке безвременья (некоторые аспекты национального литературного зарубежья) // Проблемы современного калмыковедения (сб. науч. тр.). Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 38–40;
10. Писатель Санжи Балыков в оценке профессора А. Борманджинова // Там же. С. 54–66.
11. Салдусова А. Г. Традиционная культура и новая парадигма сознания // Динамика традиционных и ценностных ориентаций народов Калмыкии. Элиста: КГУ, 2001. С. 189.
12. Поэтическая философия культуры («Сар-Герел» Д. Кугультинова) // Мир Центральной Азии. Т. IV, ч. II. Языки. Фольклор. Литература. Мат-лы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. С. 110–116.
13. Салдусова А.Г. Онтологическая семантика в поэме Д. Кугультинова «Бунт разума» // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2008. № 6. С. 73–81.
14. Тхагазитов Ю. М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1994. 248 с.